

Повозка была открыта со всех сторон, и ветер свободно гулял сквозь неё; хорошо ещё, что стоял август - днём ярко светило солнце, и даже при ветре не было холодно.

Сидя в повозке, Лю Гуюй наконец смог немного успокоиться и привести мысли в порядок. Нет никаких сомнений - он действительно перенёсся в другой мир, да ещё и стал злонамеренным вдовцом-гэром. С одной стороны больная и слабая свекровь, сейчас лежащая в повозке; с другой - младший брат мужа и младшая сестра, обоим по тринадцать лет. Дома нищета, ни гроша за душой, и те немногие сбережения, что были, похоже, вот-вот уйдут.

Лю Гуюй тяжело вздохнул. В прежний мир, видимо, уже не вернуться, неужели придётся принять обстоятельства? Но маленький злодей всё ещё внушал страх... а в древние времена без домашней регистрации можно стать лишь бродягой, так неужели он действительно повторит глупость прежнего хозяина тела и сбежит?

...эх.

Лю Гуюй снова вздохнул.

— Старшая невестка, приехали.

Это сказал Цинь Жунши: мальчик, сжимая в руке соломенный кнут, спрыгнул с повозки и, подняв голову, посмотрел на всё ещё сидящего на устланной сухой травой доске Лю Гуюя.

— А... ага, — отозвался тот, поспешно спрыгнув следом; девочка Цинь Баньбань тоже сразу слезла, крепко прижимая к себе мешочек с деньгами. Глаза её были широко раскрыты, губы сжаты, она выглядела до крайности напряжённой, словно боялась, что все вокруг непременно узнают, что у неё при себе деньги.

Впрочем, винить её было нельзя - девочка впервые держала при себе такую сумму и ужасно нервничала. Говорят: «не выставляй богатство напоказ», и Лю Гуюй всерьёз опасался, что её чрезмерное напряжение, наоборот, привлечёт карманников, поэтому он подошёл ближе и сказал:

— Дай мешочек... своему брату.

Изначально он хотел сказать «мне», но, подумав, изменил слова.

Цинь Жунши бросил на него задумчивый взгляд, затем взял у сестры мешочек и сложил его вместе с теми десятью лянками серебра - посмертным пособием.

Несколько человек втащили повозку в город и направились к клинике.

В клинике на приёме сидел седобородый старый врач; он вышел посмотреть, бросил взгляд и тут же вколол две иглы, мгновенно приведя мать Цинь в сознание.

Мать Цинь звали Цуй Ланьфан; она глубоко вдохнула, затем, дрожа ресницами, открыла глаза и в полусознании посмотрела на окруживших её детей.

Старый врач, заложив руки за спину, направился обратно вглубь клиники и на ходу сказал:

— Заносите её внутрь.

Увидев, как он одной иглой врач привёл мать в чувство, Цинь Жунши немного успокоился, после чего опустил голову и помог поднять Цуй Ланьфан, ведя её внутрь.

— Мама, давай сначала зайдём.

Мальчик был ещё невысок, и если бы Цуй Ланьфан полностью оперлась на него, она могла бы его просто придавить; Лю Гуй не выдержал и поспешил помочь, подхватив её с другой стороны и вместе с ним повёл внутрь.

В клинике врач провёл осмотр - прощупал пульс, выслушал, осмотрел, расспросил и только после этого, поглаживая бороду, вздохнул:

— Болезнь эта из разряда «болезней богатых». Слабость лёгких и длительный кашель, к тому же накопившаяся тревога и подавленность; если так будет продолжаться долго, болезнь укоренится, и тогда лечить станет трудно.

Стоило Цуй Ланьфан услышать слова «болезнь богатых», как её лицо изменилось; она поспешно замотала головой:

— Н-нет, тогда я лечиться не буду... кхе-кхе... своё тело я сама знаю, это просто кашель, ничего страшного.

От волнения она снова закашлялась, опустив голову.

Судя по простой одежде из грубой ткани, было ясно, что семья живёт в нужде; старый врач, хоть и обладал милосердием лекаря, повидал немало таких несчастных, не имеющих денег на лечение. В душе он тяжело вздохнул, но вслух всё же предупредил:

— Если не лечить... боюсь, это не к долголетию.

Эти слова прозвучали мягко и завуалированно, но Цинь Жунши всё равно понял их смысл. Он

тут же удержал уже собиравшуюся подняться Цуй Ланьфан и твёрдо, не терпя возражений, сказал:

— Лечить. Господин, прошу, выпишите рецепт.

Старый врач, услышав это, взял кисть и написал назначение, затем добавил:

— Эти несколько трав стоят недорого, самое дорогое - женьшень и клей из оленьих рогов. Болезнь вашей матери нужно лечить как минимум полгода; пока я выпишу вам лекарства на месяц, это будет два с половиной лян. Потом через месяц приходите на повторный осмотр, тогда назначу дальнейшее лечение...

Договорив, он всё же не удержался и добавил, опасаясь, что женщина пожалеет денег - в этот раз её силой привели дети, а в следующий она может уже не прийти:

— Лекарство нельзя прерывать, иначе этот месяц окажется напрасным, и деньги будут выброшены на ветер.

Небеса, да неужели придётся лечиться целых полгода?! Цуй Ланьфан широко раскрыла глаза, увидела, что Цинь Жунши уже достаёт деньги, и поспешно остановила его руку, с горечью воскликнув:

— Сынок, так нельзя... это ведь деньги, которые с таким трудом копили на твоё учение!

Когда отец Цинь был жив, семья жила ещё более-менее сносно и смогла отправить Цинь Жунши учиться. Позже, когда отец, собирая лекарственные травы в горах, сорвался со скалы, на его лечение ушли все деньги, да ещё пришлось продать несколько му земли, и Цинь Жунши был вынужден оставить учёбу и остаться дома.

Цуй Ланьфан продолжала:

— Один месяц - уже два с половиной лян, за полгода это больше десяти лян... откуда у нашей семьи такие деньги?! Даже если сейчас купить лекарства, в следующий раз всё равно не найдём средств! Со мной правда всё в порядке, не стоит тратить эти деньги зря!

Цинь Жунши, нахмутив лицо, сурово ответил:

— Лечить нужно. У нас ещё есть два му земли - если не будет денег, продадим землю.

Это были последние два му, во время тяжёлой болезни отца уже продали часть полей, а позже, когда снова не хватало денег на лекарства, собирались продать и оставшиеся, но отец умер раньше, и потому эта земля уцелела.

Цинь Баньбань тоже безутешно разрыдалась, она обняла мать за ноги и, всхлипывая, сказала:

— Мама... отец уже ушёл, старшего брата тоже не стало, ты не можешь больше заболеть, иначе мы с братом совсем останемся, как трава в поле!

Услышав слова «старший брат», Цуй Ланьфан не смогла сдержаться и снова тихо заплакала, роняя слёзы.

В конце концов, под настойчивыми уговорами детей лекарство всё же выписали, и вся семья поспешно отправилась обратно в деревню. Цуй Ланьфан, казалось, пребывала в каком-то оцепенении - сидела на повозке, словно потерянная в своих мыслях; Цинь Баньбань устроилась у неё на коленях, подняла к ней лицо, вытерла слёзы и тихо сказала:

— Мама, у тебя ведь есть мы с братом.

Девочка была мягкой по характеру, говорила обычно неторопливо, и лишь сейчас, по-настоящему встревожившись, ускорила речь.

Эти слова тронули Цуй Ланьфан до глубины души: её глаза покраснели, и, не сдержавшись, она крепко обняла Цинь Баньбань, сначала тихо всхлипнув, а затем разрыдавшись в голос. Лю Гуюй, сидевший рядом, чувствовал себя неловко: то поддёргивал свою одежду, то трогал сухую траву под собой - его руки словно только что выросли и не находили себе места.

Семья Цинь вызвала жалость, но в сознании Лю Гуюя их образы всё ещё оставались теми, что были в книге, и потому у него пока не возникло настоящих чувств; максимум он мог, как и старый врач, тяжело вздохнуть, заложив руки за спину.

Но тут Цуй Ланьфан, отпустив Цинь Баньбань, вдруг притянула к себе и его, прижимая к груди, и, всхлипывая, заголосила:

— И тебе, дитя, досталась горькая доля - пришел в нашу семью и ни дня счастья не увидел! Если бы знать... если бы тогда... тогда следовало разорвать этот брак, ведь такой пригожий гэр, как ты, мог бы найти куда более достойную семью!

Лю Гуюй застыл, словно деревянный, оказавшись в её объятиях, как ошарашенная курица с широко распахнутыми глазами, что придавало ему даже немного комичный вид. Впрочем, её слова были преувеличением: в первый год после его вступления в семью отец Цинь ещё был жив, и какое-то время они жили вполне неплохо. Если же говорить о прежнем хозяине тела, то он был настоящим неблагодарным злодеем, подобным ядовитому скорпиону. Он происходил из семьи сельского сюцай; к несчастью, его мать рано умерла, отец-сюцай позже взял вторую жену, а спустя несколько лет и сам старейший сюцай покинул этот мир.

Перед смертью он переживал, что его гэр останется без опоры, и потому, перебрав в деревне

разные варианты, остановил свой выбор на семье Цинь: в те годы у них дела шли неплохо, отец Цинь был травником, дети - сыновья и дочь - были воспитанными и разумными, а второй сын к тому же учился и имел светлое будущее. Поэтому перед кончиной старый сюцай обручил своего гэра именно со старшим сыном семьи Цинь.

Но, увы, небо не исполняет человеческих желаний: вскоре началась война, и двор объявил срочный набор в армию - настолько срочный, что даже не позволялось откупиться деньгами за освобождение от службы, мужчин просто силой забирали в войско. А вскоре после смерти старого сюцай мачеха показала своё истинное лицо и стала жестоко обращаться с прежним хозяином тела. Тогда ему ещё не было и пятнадцати лет, а старший сын Цинь находился вне дома; по всем правилам свадьбу следовало отложить, но семья Цинь, сжалившись над ним и вспомнив о прежних благодеяниях сюцай, решила сначала принять его в дом, внести в семейные записи, а уже когда Цинь-далан вернётся, провести свадебный обряд.

Кто бы мог подумать, что Цинь-далан так и не вернётся, а вместо этого беда сначала обрушится на главную опору семьи - отца Цинь. Как ни крути, именно семья Цинь вытащила прежнего хозяина тела из бедственного положения, и для него это было равносильно дарованию новой жизни. Но жизнь в семье Цинь с каждым годом становилась всё тяжелее. В первый год, пока отец Цинь ещё был жив, они порой даже могли позволить себе мясо; на второй год он, собирая травы, получил тяжёлую травму - все деньги ушли на лечение, пришлось продать землю, но спасти его всё равно не удалось; на третий год заболела и сама Цуй Ланьфан - она потеряла мужа в среднем возрасте, да ещё тревожилась за без вести пропавшего старшего сына, и накопившиеся заботы обернулись болезнью... жизнь становилась всё тяжелее.

Прежний хозяин тела не желал с этим мириться: сначала он ещё надеялся, что Цинь-далан жив и вернётся, возможно, изменив положение семьи к лучшему, но, сколько ни ждал, дождался лишь известия о его смерти. И тогда у него зародился дурной замысел - похитить деньги и сбежать; именно в этот момент Лю Гуюй и оказался в его теле.

Лю Гуюй всё ещё находился в объятиях Цуй Ланьфан: сперва он чувствовал растерянность и неловкость, но когда тёплая слеза упала ему на шею, он невольно выпрямился и уже сам не заметил, как его рука мягко легла на её спину, похлопывая в утешение.

Вернувшись домой, Цинь Баньбань отправилась на кухню - помочь матери сварить лекарство и заодно приготовить ужин; Цинь Жунши сперва проводил Цуй Ланьфан в комнату и уложил её, а затем вышел во двор искать вещи, оставшиеся от старшего брата.

Только что во дворе царил суматоха, люди приходили и уходили, а он был целиком поглощён заботой о матери, так что и правда не заметил, куда делись сломанный нож и окровавленная одежда.

— Эм... ты, случайно, не это ищешь?

Лю Гуюй стоял у стены и осторожно указал на окровавленную одежду и сломанный нож,

которые кто-то положил на кучу дров.

Цинь Жунши, с серьёзным детским лицом, посмотрел на него, затем подошёл, взял лежащие на поленнице вещи и прижал к груди, после чего вновь поднял взгляд на Лю Гуюя.

— За сегодняшнее... спасибо, старшая невестка.

Лю Гуюй почесал затылок и, натянуто улыбнувшись, сухо ответил:

— А... да ладно, мы ведь одна семья, ха-ха-ха...

Он сам не понял, что в этом было смешного, но Цинь Жунши вдруг тоже слегка изогнул губы и с какой-то странной интонацией сказал:

— Старшая невестка прав, мы одна семья. Я этого не забуду.

Лю Гуюй: «...»

Так маленький злодей, оказывается, умеет улыбаться? И, надо признать, улыбка у него красивая.

Странное дело: в этой деревне, где кругом жёлтая пыль и палящее солнце, все жители смуглые и загорелые, а вот трое из семьи Цинь будто небожители, спустившиеся на землю. Пусть из-за недоедания их лица были бледно-жёлтыми, тела худыми, а волосы сухими, но основа-то у них была хорошая - стоит лишь откормить, и выйдут настоящие красавцы.

И что это такое? Неужели «аура антагониста»?

Даже в романе антагонист обязан быть красивым?

...Он ведь тоже считается антагонистом? Разве «пушечное мясо среди злодеев» уже не злодей?

Интересно, как он теперь выглядит.

Снаружи Лю Гуюй оставался спокойным, но в голове у него уже закрутился целый вихрь мыслей. Он неловко усмехнулся Цинь Жунши и сказал:

— Эм... ну, я тогда тоже зайду в комнату, немного отдохну.

Кивнув пару раз, он развернулся на пятках и направился в комнату прежнего хозяина тела.

Называлась она его комнатой, но на самом деле раньше принадлежала Цинь-далану; однако тот уже много лет отсутствовал, и теперь внутри в основном находились вещи прежнего хозяина.

Лю Гуюй обошёл комнату, но так и не нашёл зеркала, поэтому в конце концов смог лишь посмотреть на своё отражение в воде, оставшейся после утреннего умывания. Разглядывая себя, он ворчал про себя: прежний хозяин, конечно, человек своеобразный - умылся и даже воду не вылил, неужели собирался оставить её до вечера и умыться ещё раз?

Поверхность воды слегка колыхалась, но всё же можно было различить отражение: оно очень напоминало его прежний облик, только тело стало худее, а цвет лица хуже.

Фух. Лю Гуюй облегчённо выдохнул. Пусть он и не стал ослепительным красавцем, но, по крайней мере, лицо осталось его собственным.

Вот только почему на лбу повязана белая лента? Это что же - он уже начал носить траур по Цинь-далану???

<http://bllate.org/book/17177/1608337>